

Н а р о д н ы й п р о е к т

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

Прямой эфир

Коллектив авторов
Артем Бочаров
Прямой эфир (сборник)
Серия «Настоящее прошлое»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12090713

Прямой эфир: Грифон; М.; 2011

ISBN 978-5-98862-073-0

Аннотация

«Прямой эфир» – третья книга из серии «Настоящее прошлое».

Эту серию открыли сборники рассказов Артёма Бочарова («Первое свидание» и «Рекламная пауза»), в которых автору удалось сохранить неповторимые черты советского времени, дорогие и близкие (а иногда и наоборот!) для каждого, кто был «сделан в СССР». Что такое настоящее прошлое? У читателей, конечно, есть свой ответ на этот непростой вопрос. А с точки зрения Артёма, это – просто жизнь, такая, какая она есть, со всеми её радостями и горестями.

Эпоха, которая завершилась на наших глазах, уже становится легендой... Можно вспоминать только плохое, можно – только хорошее. У каждого – свой выбор. В «Прямом эфире» можно встретить известных авторов, среди которых – композитор и

музыкант Владимир Петрович Пресняков; народная артистка СССР, ведущая программы «Время» Анна Шатилова; драматург и кинорежиссёр Евгений Гинзбург; футболист Дмитрий Лоськов; актёр театра и кино Пётр Кудряшов; артист эстрады Александр Пономаренко. География участников сборника очень широка: Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский край, Украина, Белоруссия, США. Возраст участников сборника «Прямой эфир» – от 15 (Анастасия Комарова) до 75 лет (Василий Евтушенко).

Для самого широкого круга читателей.

Содержание

Правильная фамилия	6
Чистюля	8
Боевая ничья	11
Two One	15
Незванный гость	17
Обратная сторона медали	21
Прямой эфир	24
Утро	27
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Артём Бочаров

Прямой эфир

© Грифон, 2011

© Бочаров А., составитель, 2011

© Е. Абросимова, Б. Дзгоев, оформление, 2011

* * *

Друзьям

Правильная фамилия

Игорь Калмыков

Фамилия моя Калмыков.

Едем на машине с семьёй через Калмыкию. Попили в Элисте калмыцкого чаю с бараньим жиром, сфотографировались на фоне местных достопримечательностей.

Выезжаю из города. Над перекрёстком висит светофор, горит зелёный. Еду. И вдруг – сразу загорается красный, безо всяких там жёлтых или мигающих зелёных сигналов!

А за перекрёстком гаишник-калмык стоит, смотрит. У меня – магаданский номер, 49-й регион. Гость Элисты откровенно нарушает правила, непорядок! Довольный гаишник машет палкой. Останавливаюсь, выхожу.

Он мне:

– Ваши документы и пройдите в нашу машину!

Невесёлый, плетусь за гаишником. Тот неожиданно останавливается, поворачивается ко мне, отдаёт права:

– К вам нет вопросов!

И немногословно так, но доходчиво объясняет:

– С такой фамилией у нас можно ездить!

Я, конечно, благодарю служивого, забираю документы, иду, счастливый, к своему бусику. И тут:

– Одну минуточку!

Не прокатило, думаю, передумал!

Нет, не передумал, заботится человек обо мне:

– Переднее правое колесо подкачайте, а то совсем пустое оно у вас.

– Ага, – бодро отвечаю я и сажусь в машину.

Там вся семья сидит в напряжении, следит за событиями. Я им подмигнул – мол, всё нормально! – и в окно, по-свойски уже, спрашиваю у гаишника:

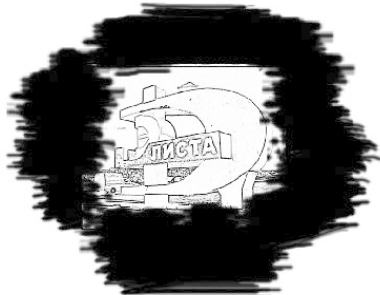
– А где здесь дорога на Ставрополь?

Он рассказывает подробно, показывает: поезжай, мол, сюда, повернёшь туда... Потом выходит на дорогу, останавливает весь транспорт, что движется на зелёный свет, а мне показывает жезлом своим полосатым – путь свободен!

Ну, я и поехал на красный.

Через пару минут жена окончательно пришла в себя, и задумчиво так говорит:

– А не переехать ли нам жить в Калмыкию?

Чистюля

Ирина Беликова

За большим окном красивого автобуса, бегущего по Садовому кольцу, проносилось летнее солнечное утро 67-го года. Там, за окном, москвичи и гости столицы в светлых одеждах, никуда не торопясь, фланировали по тротуарам улицы Чайковского. В преддверии наступающего зноя они предупредительно освежались мороженым и шипучкой в автоматах «Газированная вода». Всего за одну копейку аппарат выдавал полный стакан прохладной минеральной воды. За три копейки – с сиропом.

Но не о газировке и даже не о мороженом думала сейчас трёхлетняя Ариша, сидя рядом со своей бабушкой Полей на мягком диванчике в том самом красивом автобусе, что катил по Садовому. Открыв рот, она во все глаза смотрела на стоящего рядом высокого негра. Тогда это было вполне себе политкорректное слово – негр. В то время в стране пролетарского интернационализма никто и подумать не мог, что самого обычного представителя негроидной расы нужно называть как-то иначе, мудрёнее. Каким-нибудь там афро-американцем, например, или афро-европейцем.

Аришка видела чёрного человека первый раз в своей недолгой пока жизни и теперь пыталась постичь природу та-

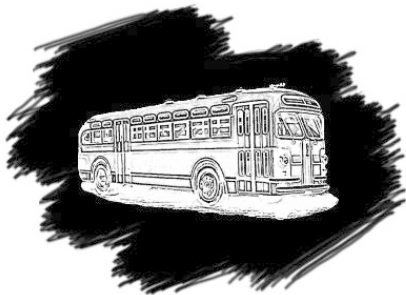
кого необычного цвета кожи.

Оказалось, интерес был взаимный. В свою очередь иностранцу приглянулась симпатичная голубоглазая девочка с белокурыми кудряшками, падающими на плечики. Он присел на корточки, взял ребёнка за левую руку, и, белозубо улыбаясь, напел Арише простенькую песенку, наверное, что-то из своего далёкого африканского детства. Глаза и рот у девочки открылись ещё шире. Мужчина сделал «козу-бозу», потрепал Аришку за плечо, пожал на прощание правую руку и шагнул к двери – на площади Маяковского ему надо было выходить.

Девчушка проводила необычного дядю взглядом, а потом, опустив кудрявую голову, стала внимательно рассматривать свои ладошки, которые только что побывали в чёрных руках незнакомца. Видимо, что-то её там смутило, потому что Ариша вдруг стала энергично вытирать обе ладошки о платице, словно хотела убрать с них невидимую грязь. Проведёт пару-тройку раз сверху вниз, посмотрит сначала на руки, потом на дядю, и опять за своё.

Бабушка Полина Григорьевна растерялась, покраснела и, опустив глаза, тихо извинилась перед негром за внучку. А тот рассмеялся, сказал, что ничего, мол, это же – ребёнок, подмигнул Аришке и вышел из красивого автобуса с большими окнами.

Москву накрывала жара.

Боевая ничья

Дмитрий Чернусь

Это было время, когда в дефиците были... шахматы. Да-да, те самые – Е2–Е4 которые. Купить их было нереально, в спортмагах были шашки, домино, эспандеры, клюшки для русского хоккея, сатиновые трусы, лыжные ботинки, а вот шахмат не было. Да и откуда им было взяться, когда из каждой фортки неслошь-рычалось: «Я кричал: “Вы что там, обалдели?! Уронили шахматный престиж!..”».

А я шахматы не то что любил, я бредил ими. В предпубертатном таллинском детстве в пионерлагере «Двигатель» в сеансе одновременной игры я упустил победу над самим Паулем Кересом, имея две крайние пешки против голого короля. Но, наивно полагая, что в шахматах, как и в шашках, клозет – победа, поставил гроссмейстеру пат.

Пару лет назад на студии «Правда-продакшн» я обыграл какой-то супер-дупер-компьютер, с которым никто даже ничейку сгонять не мог (спросите у Миши Гобалаева, бас-гитариста «Мегаполиса»),

Я не знаю теории, но если мне без потерь удаётся выползти из дебюта, играю, как в кино революционер Камо в картишки.

А в Москве 1974 года я чертил на столе (оказавшемся

антикварным) доску, вырезал из бумаги фигуры и разбирал партии Корчного с Карповым. Кто не болел за Корчного против Карпова, пусть плюнут мне в лицо! Вся лично мне известная страна болела именно за него.

Но, впрочем, песня не о том, а о любви... К шахматам, конечно!

Мой тогдашний отчим Виноградов Дмитрий Александрович, поэт-переводчик, бонвиван и светский лев, называемый в непростонародии Митечка, в шахматы играл посредственно. Я давал ему ладью...

Да, у нас ведь появились шахматы! Какие-то старинно-навороченные подарил нам Митечкин друг, у которого Митечка по совместительству увёл мою маму, художник-реставратор (официально) и антикварный делец Богословский.

И вот сидим мы с Митечкой на Луговой, это посёлок дачный по Дмитровскому шоссе. Ждём маму, в шахматишки режемся. Я уже отыграл свою ладью и будёновской лавой нёсся на чахлые Митечкины бастионы. Вдруг бравурно про-сигналила машина у ворот (я такую ещё не скоро увижу на просторах столицы – Land Rover тех лет), и, дыша духами и туманами, впорхнула моя ослепляюще красивая мама в обрамлении статного красавца Бори, хозяина вышеозначенного транспортного средства, и его дамы сердца. Митечка положил своего короля баиньки и ехидно так прошипел:

– Ты дяде Боре сыграть предложи...

Из машины досталась берёзковская коробка с заморским

выпивоном-закуроном и номенклатурной жратвой. Дело в том, что Митечка, будучи сыном Ольги Ивинской, которой её гражданский муж Пастернак завещал валютные вклады, имел пухлые книжицы чеков серии D, курил сигареты Pinnacle, пил джин Beefeeter. А ещё Митечка блуждал по матримониальной жизни в трёх женских соснах, коими были актрисы Катя Васильева и Таня Лаврова, ну а третья, как вы, друзья, понимаете, была моя дивная, неповторимая, непревзойдимая мама – Чернусь Стелла Петровна, простая советская барменша из непростой советской шашлычной «Анти-советская».

Мне позволили выпить джина с тоником. Ну не «Солнцедар» же с поселковыми охламонами пить мальчику из приличной семьи!

Митечка заговорщицки подмигивает, предложи, мол, дяденьке сыграть!.. А дяденька тот на кого-то поразительно похож, вот только на кого – не упомяну.

Ну, в общем, я и предложил. Дядя Боря посмотрел на меня так, будто я предложил ему разлучить меня с ректальной невинностью – презрительно-хищно.

– Видите ли, мой юношеский друг, – сказал мне дядя Боря. – Я в шахматы играю только на деньги, и очень большие! – Десятка! – выпалил я неосторожно.

Этой самой десятке я только вчера приделал ноги из кармана Митечкиных Super Rifle. Митечка и ухом не повёл, у него этих денег было, как у дурака – махорки!

– Ну что ж, сумма немалая, – ощупав фигуры, произнёс дядя Боря. – Приступим!

Я всегда проигрываю абсолютно все жеребьёвки.

Дядя Боря пошёл Е2–Е4. Я не нашёл ничего остроумнее, как процитировать Высоцкого:

– Сделал ход с Е2 на Е4, точно как с Таймановым. Так-так... – и поставил коня на С6.

– Скорее это было со мной, в Рейкьявике. Я хоть и бывший, но всё же чемпион мира! – сказал дядя Боря, теперь уже точно Спасский, выставив вторую пешку на D4.

Я вернул коня на место и предложил ничью, которая и была принята без аннексий и контрибуций на втором ходу.

А Митечка потом долго ехидничал – Сирота (это прозвище у меня было такое) играет только по червонцу и только с самим Спасским.

Two One

Владимир Петрович Пресняков

Мой сын большой мастер розыгрыша.

Дело было на Канарах. В гостинице, в которой мы остановились, Вовкин директор Людмила звонит сыну в номер с ресепшен. А Вовка ей и говорит:

– Представляешь, мы только сняли клип, а его уже здесь показывают!..

– Как?! – удивилась Люда.

– А вот так, – отвечает ей Вовка. – Попроси, чтобы тебе там включили двадцать первый канал.

Люда – к портье, как может объясняет, что ей нужно. Показывая на большой телевизор в холле, она быстро вспомнила школьный английский:

– Channel Two One, please!

Не сразу, конечно, но работники гостиницы поняли, что даме вдруг срочно понадобился двадцать первый канал. Как можно деликатнее, при помощи жестов и того же английского, они попытались объяснить сеньоре, что она может подняться к себе в номер и смотреть там по телевизору всё, что ей угодно.

– Я не успею! – расшумелась русская сеньора. – Мне нужно немедленно!..

За стойкой ресепшен – непонимание момента.

– Там показывают такое важное для меня! Воспитанные испанцы мягко, но настойчиво предлагают пройти в свой номер.

– Two one!.. – показывает Люда на пальцах – два и один – непонятливым работникам отеля.

– Увы, – крутят те в ответ головами. – Нет!

– Вы бездушные! – осознав, что всё равно уже опоздала, констатировала Люда и ушла, обиженная.

В номере включает телевизор, настраивает на двадцать первый канал, а там – вовсю резвятся немцы:

– Уф-ф! Я, я! Дас ист фантастиш!

В общем, двадцать первый оказался порноканалом. Потом Люда три дня с Вовкой не разговаривала, а все портье как-то задумчиво смотрели ей вслед.

Незванный гость

Анатолий Миловидов

Было это на реке Хивач, что в Магаданской области, году этак в 88-м.

Наш геологический отряд, состоящий из шести человек, располагался непосредственно на берегу вышеназванной реки. Неподалеку от нас, метрах в пятидесяти, разбили свой лагерь геофизики. Их было много, и обосновались они намного основательнее, чем мы: у геофизиков были баня и столовая, чему мы очень завидовали, особенно бане.

В один из вечеров после трудового маршрутного дня я и мой сосед по палатке Ромка уже начинали смотреть первые сны, как вдруг прогремел один выстрел, за ним – другой, а потом раздалась канонада, сравнимая с праздничным салютом.

«Весёлый народ – геофизики! Ни с того ни с сего перепились и устроили салют из всех орудий», – подумали вслух мы с Ромкой и попытались уснуть снова.

Не тут-то было!

Разрывая антикомариный полог, в палатку влетел начальник геофизиков – бородатый мужик в очках. Надо заметить, что практически все геофизики были в очках, видимо, это важнейший аксессуар профессии.

– Мужики, ружьё есть?! – взволнованно спросил бородач.

– Есть, – я показал на карабин, лежащий в проходе между спальниками.

– Да нет, мне двенадцатый калибр нужен!

Мы с Ромкой тут же пристали к ночному визитёру с расспросами. И вот какую картину нарисовал нам главный геофизик.

Сегодня он лёг спать пораньше, но ближе к полуночи его разбудил сосед по палатке, который громко копошился в ящике с инструментами. Не открывая глаз, начальник сначала по-доброму посоветовал Серёге прекратить безобразие, но тот будто и не слышал своего руководителя! Тогда начальник выругался, надел очки и развернулся было для серьёзного разговора, но вместо соседа Серёги увидел перед собой мишку – большого бурого медведя.

Дальше всё происходило, как в ускоренном немом кино, – не проронив ни звука, начальник геофизиков выхватил нож из лежащих рядом ножен, разрезал стенку палатки и быстро скрылся на четвереньках в темноте.

Чтобы поднять народ на «священную войну», времени ушло немного.

И вот неорганизованная толпа бородатых геофизиков в очках с карабинами осторожно подкрадывается к злополучной палатке, но, увы, хозяина тайги там уже не было. Решили прочесать территорию лагеря и вскоре обнаружили огромный мохнатый зад, торчащий из столовой. Передняя часть

медведя, по всей видимости, активно уничтожала продуктовые запасы. Не сговариваясь, и весьма смело – с безопасного расстояния – народ открыл огонь по «врагу». Боеприпасов было изведено много, но в косолапого так и не попали. А если и попали, то легко, так как в изрешечённой столовой хладного трупа не обнаружили. Дальнейшие поиски тоже ни к чему не привели – мишка счёл за лучшее удалиться.

Честно говоря, после такого рассказа на душе стало как-то беспокойно – медведь-подранок, это не шутка!

Утром наш начальник отряда высказал геофизикам всё, что он о них думает, и, взяв с собой техника, отправился на поиски подранка.

Геофизики тоже организовали истребительный отряд, который выглядел весьма колоритно: по высохшему руслу реки несётся вездеход ГАЗ-47 без тента, по четырём углам которого стоят четыре обросших мужика в очках и с карабинами наперевес.

Как можно ловить подранка на вездеходе, не знаю, но им это почти удалось. Через несколько километров у вездехода вылетел палец из трака, и механизированная погоня приостановилась. Один из «коммандос», воспользовавшись остановкой, пошёл в кусты по нужде. Только он расположился удобно, как прямо перед собой увидел медвежью голову... Мужик, видимо, в юности занимался спортом, потому что без подготовки так быстро ломиться через кусты просто невозможно. К тому же бывший спортсмен ещё придержи-

вал штаны на бегу и орал благим матом.

По кустам был открыт ураганный огонь.

Больше мы не видели косолапого. Наверное, он обиделся – ему хотелось общества, а люди, встречаясь с ним, сильно шумели, непристойно ругались и палили из ружей почём зря!

В общем, ушёл он от нас...

Злые мы.

Обратная сторона медали

Олег Коротков

В финале футбольного турнира Спартакиады вузов гражданской авиации наша команда Кировоградского высшего лётного училища выиграла у киевлян 2:1. Матч получился тяжёлым. В столице Украины умеют играть в футбол – от «Динамо» до дворовых команд. В том числе и в Киевском институте инженеров гражданской авиации.

Положа руку на сердце – нам повезло.

Один мяч мы забили из офсайда, но боковой арбитр положение «вне игры» не зафиксировал – просто не успел прибежать от центральной линии. И главный рефери явно благоволил нам – не назначил стопроцентный пенальти за грубый снос в нашей штрафной нападающего команды КИИ ГА.

Как бы там ни было, мы – чемпионы!

Радовались, правда, чемпионы недолго – теперь надо было о сессии думать! Когда все нормальные люди её сдавали, мы пахали на тренировках, готовились честь КВЛУ ГА защищать.

Пристегнул я на лацкан пиджака значок победителя Спартакиады, глянул в зеркало – герой! – и пошёл сдавать «Пилотажно-навигационные приборы».

Настроение было приподнятое. Предмет я знал, да ещё и

ректор накануне заверил на торжественном приёме: чемпионам нечего бояться, педагоги будут лояльны к ним. К нам, то есть.

Вышел я со своим билетом к комиссии, а на меня Клебанович – экзаменатор наш главный – с хитрым таким прищуром смотрит.

– Что, – говорит, – чемпион?

И на значок мой кивает.

Я ногу чуть вперёд выставил, голову гордо поднял:

– Да, – отвечаю. – Было дело!

– И в каком виде? – интересуется педагог.

– Футбол, – всё ещё горжусь собою я.

– Вот, – обращается Клебанович к своему коллеге, второму экзаменатору. – У наших в финале выиграли!..

Вот так дела!

Кто же знал, что оба, принимающие сегодня у меня зачёт, в своё время учились в Киеве и закончили тамошний институт инженеров ГА?!

А Клебанович тем временем поведал однокашнику и про наш гол из офсайда, и про их пенальти неназначенный не преминул вспомнить...

– В общем, – Клебанович заглянул в мою зачётку. – Как вы, Коротков, не старайтесь, выше тройки я вам поставить не могу!

Развёл руки и улыбнулся неприятно:

– Сами понимаете!..

Я и стараться не стал.

Молча забрал свою зачётку с трояком и пошёл себе во-
свосяси.

Сразу же за дверью снял я значочек свой чемпионский и
больше на экзамены его не надевал.

Прямой эфир

Анна Шатилова

22 января 1991 года.

В останкинской студии программы «Время» всё готово к вечернему выпуску.

Буквально за минуту до эфира мне приносят новый текст и сообщают, что этот материал и будет первым.

Пока шла заставка с известной всей стране музыкальной темой «Время, вперёд!», я быстро пробежала глазами по только что принесённой бумаге. Это был текст указа об изъятии из обращения и обмене пятидесяти- и сторублёвых купюр образца 1961 года.

Отзвучали последние аккорды заставки, и я – в эфире:
– Здравствуйте, товарищи!

Читаю указ, а сама краем глаза замечаю: в студии происходит что-то не то! Операторы за камерами, режиссёр и его ассистенты за стеклом, все энергично жестикулируют, пытаюсь донести до меня какую-то информацию.

Оказывается, не работал мой микрофон. То есть телезрители меня видели, но не слышали. Техническая накладка – такое иногда случается в прямом эфире. Увы, никто от этого не застрахован.

Наши технари выход из положения нашли быстро – пусти-

ли звук через общий микрофон, который висел надо мной и ловил интершум в студии.

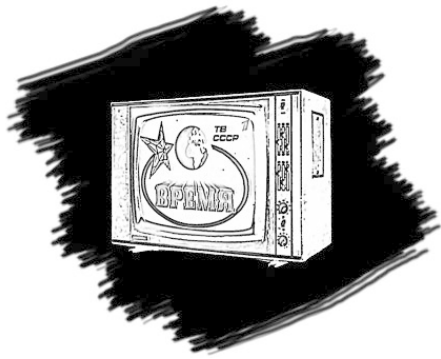
Я вновь поприветствовала многомиллионную аудиторию и начала читать злополучный текст сначала:

– Указ Президента СССР Михаила Сергеевича Горбачёва «Об изъятии из обращения и обмене старых купюр и ограничении выдачи денег с вкладов в сберкассах...»

Надо ли говорить, как все мы переживали после эфира – техника подвела в самый ответственный момент! Стране читают указ её Президента, и тут – такое!..

А через два дня я от всей души смеялась над газетной статьёй, в которой на полном серьёзе сообщалось, что Шатилова забыла нажать на кнопку звука, потому что глубоко задумалась. О чём? О том, как же ей самой успеть поменять за отведённые три дня накопленный на сберкнижке личный капитал. И для пущей убедительности даже точная сумма была указана – целых восемь тысяч рублей!

В начале девяностых в нашей стране бульварная пресса начинала поднимать голову.

Утро

Евгений Гинзбург

Проснувшись, я обнаружил, что я мальчик.

Живу в доме, где меня очень любят, где пахнет керосином и жареным луком. Там только что вымытый сырой пол и женщина у керосинки – это моя мама. В керосинке горит огонь, а на ней шипит сковородка. Мама кудрявая, быстрая. На ней халат в цветочек. Бабушка в тазу моет большие багровые помидоры. Я их люблю. Мама жарит яичницу с помидорами и луком. Я точно знаю, что люблю яичницу с помидорами и луком. Я точно знаю, что не люблю манную кашу и сметану. На бабушке узбекское платье из хан-атласа. Оно очень яркое и переливается на свету. Бабушка совсем седая, но очень хорошенькая, она похожа на куклу, только личико с морщинками.

А папа не участвует в приготовлении яичницы. Он лежит на бабушкиной железной кровати и читает газету. Я люблю запах свежей газеты и папы. Газета пахнет сырой краской, а папа табаком и ещё чем-то очень привлекательным, от чего хочется плакать. На папе широченные пижамные полосатые штаны, и белая майка на худом волосатом торсе. Он тоже, как мама, кудряв. У мамы на щеках кожа нежная, гладкая, а у папы колючая, даже когда он бритый.

И папа, и мама носят здоровенные очки с толстыми стёклами. Вся эта компания и я, сидящий в это утро на свежемывом полу, освещены слепящим ярким солнечным лучом, рвущимся через распахнутую на улицу дверь. Луч спускается вниз по пяти ступенькам цементной лестницы и, прихватив меня и бабушкину кровать, на которой лежит папа, упирается в белую потрескавшуюся стену. Он образует на ней чёткий слепящий прямоугольник. Свет от стены отражается и растекается по этой длинной и нелепой полуподвальной комнате. Вообще это кухня и ещё столовая. Стоит огромный стол. Он покрыт драной клеёнкой. Но тут и бабушка спит на железной кровати, и я. Есть ещё кладовка за дверью. Там стоит вонючее ведро под крышечкой, а над ним – стул с дыркой в сидении. Есть ещё мамина с папой комната. Там кровать, фанерный шкаф и тумбочка с зеркалом. Там окно с широким подоконником.

Я на нём часто сижу и смотрю на улицу. Получается, что смотрю снизу. Это очень интересно. На этой стороне солнца нет. Тут прохладно. И не только ходят люди. Машины ездят и троллейбусы. Когда дождь, то вода из-под колёс добрызгивает до окна. Это здорово! А на окне решётка с толстыми прутьями. На ней можно висеть. Я это делаю. Я был в зоопарке с папой. Там так висела на решётке рыжая линиялая обезьяна.

А на стенке, в которую солнце ударило, висит чёрная тарелка. Это радио. Из тарелки слышно, как где-то играет му-

зыка, как громко и малопонятно кричит дядька. А если кто-то не выключит тарелку ночью, то утром в Москве бьют куранты! Очень рано, и бабушка ругается.

Ещё интересная, конечно, керосинка – в ней огонь. Керосин привозит старый узбек в грязном халате. Он привозит жирную бочку на арбе, запряжённой грустным осликом. Узбек кричит страшным голосом:

– Хрсин! Хрсин!..

Все бегут, кто с чем: с бидонами, с банками, с бутылками, а то и с кружками. И пахнет сильно керосином, так сладко пахнет! Я люблю этот запах, но керосин невкусный. Когда у меня болит горло, бабушка берёт вату, наматывает на щечку, велит мне широко раскрыть рот и мажет там все керосином. Я плачу. Узбек берёт у человека или у ребёнка бутылку, бидон или банку, вставляет в горлышко здоровую медную лейку, открывает жирный кран, и из крана медленно льётся керосин. Жёлтый.

Я ещё маленький, мне ничего не дают делать, бабушка стоит в очереди, а я иду к ослику. Он безразличен и очень грустен. Голову ко мне поворачивает, смотрит, но будто не видит. Иногда я приношу ему кусок сухой лепёшки. Он протягивает за лепёшкой большие жёлтые зубы и прикрывает глаза. У него пушистые ресницы.

Все бросают мелочь в грязную кружку, висящую на гвозде. Узбек снова кричит:

– Хрсин!

Потом молчит и ждёт. Ослик жуёт мою лепёшку. Никто не приходит, и узбек говорит ослику:

– Чу!

И они уходят.

– Шурик, вынеси ведро! – грубо говорит мама и начинает бить ножом яйца.

Папа морщится, складывает газету и идёт в кладовку. Он выносит ведро, как-то оттопыривая руку, чтобы было от него подальше. Я тоже не люблю вонючее ведро. Слава богу, у меня есть мой горшок. Папа несёт ведро наверх, на улицу. И я почему-то не иду, а ползу вверх по холодным еще ступенькам. Мне нравится ползти на четырёх лапах. Я опять вспоминаю линиялую обезьяну из зоопарка. Ползу и говорю тихонько:

– У... У-у-у...

Солнце такое яркое, что я даже закрываю глаза. Открываю. Во дворе дворник уже подмёл. Он татарин. Его зовут Ильдар. Он злой и крикливый. Детей гоняет метлой и кричит:

– Иди мамкия, билять!

Но утром он чисто подметает двор и из ведра его весь пробрызгивает. Поэтому ещё будет прохладно и будет пахнуть прибитой водой горячей пылью. Во дворе торчит из земли толстая труба с медным краном. Это наша вода. Вода нашего двора. Вокруг трубы – скользкое цементное кольцо. Оно позеленело от сырости. Утром в лужице плавают красные чер-

вячки. В выходные у трубы все собираются и молча льют в ведра воду. Струя шипит и брызгается.

Папа пришел к трубе, огляделся, снял с ведра крышку, налил в него воды и быстро отошёл в сторонку. Поболтал воду в ведре и выплеснул под куст белены. Поставил ведро, снова открыл кран и стал долго мыть свои красивые, мускулистые руки. Мама крикнула снизу:

– Завтракать!

На столе стояла большая чёрная сковорода и в ней шипела яичница. Она была жёлто-красная. Ещё были чашки с рыночным кислым молоком и лепёшки. Мама густо засыпала яичницу порубленной зеленью, и запахло реганом, укропом и кинзой. Этот запах я очень люблю. Он мне на всю жизнь.

– Берите, – сказала мама, а сама стала накладывать яичницу в мою тарелку.

У меня старая тарелка. Бабушка говорит, что ещё папина, а мама говорит, что такого быть не может, что при бабушкиной бесхозяйственности да чтобы сохранилась папина тарелочка... Так они часто беседуют. Но тарелочка есть! Она немножко треснутая, но на ней нарисован весёлый щенок с бантиком. Мне нравится.

Папа включил радио. Громко заиграла музыка. Поют про какую-то Кудрявую, которую зовут вставать: «Давай, вставай, Кудрявая, навстречу дня!».

– Сделай тише! – сказала мама. Она в доме командир. Её все боятся. Я не боюсь, она не дерётся. Но иногда может и

покричать на меня. Если я плохо ем, к примеру. Или на бабушку. Даже чаще, чем на меня. Бабушка очень легкомысленная, говорит мама. Барыня.

Сегодня мы с папой пойдём в баню. Хорошо, что с папой. Раньше меня брала с собой мама. Это мне совсем не нравилось. Даже страшно было. Голые тётки меня пугали. Они очень шумные, у них огромные сиськи и густые волосы внизу обвислых животов. Мне неприятно было на них смотреть.

Густо стелился пар. Грохотали медные тазы-шайки. Пахло цветочным мылом и кислым молоком, которым они мыли головы. И ещё чем-то пахло, мне непонятным. Тётки визжали, выливая на себя шайки горячей воды. Ещё они громко разговаривали, перекрикивались и гоготали. Мама стройнее и не визжит. Она с тётками не разговаривает. Просто быстро моется. Мне очень неудобно на неё смотреть, наверное, потому, что я её люблю, и она – мама. А тёток я разглядываю и думаю, что они ведьмы. Мне страшно, но я смотрю. Особенно туда, где должна быть писька. Но её нет. Странно и страшно.

Мама берёт меня на руки и сажает на среднюю полку, где пар гуще, чем внизу. Она намыливает меня с ног до головы быстрыми и сильными руками. Когда намыливает голову, пена попадает в левый глаз. Жжётся. Я плачу.

– Не хнычь! – говорит мама и выливает на меня шайку горячей воды. Идёт вниз за другой, а я правым глазом вижу совсем рядом молодую тётку. Она яростно намыливает се-

бя между ног и ещё волосатые подмышки. Её сиси трясутся. Мне становится очень жарко, она видит меня и подмигивает. Улыбается. У неё белые-белые зубы. Мне ещё жарче, даже голова кружится. Тут на меня обрушивается водопад очень горячей воды. Мама вернулась. Я встаю.

– О! – говорит тётка и разглядывает меня. – А я думаю – девочка... А это вон кто! – она смеётся. – Уж больно кудрявый!

Мама рассмеялась, завернула меня в полотенце и понесла в предбанник.

Мы с мамой, чистые и розовые, идём от бань к трамваю. Останавливаемся у газировочной коляски, и мама берёт воды с двойным вишнёвым сиропом. Вода шипучая, холодная и очень вкусная. Мама чего-то говорит, но я не слышу. Я думаю о той голой тётке рядом и по мне пробегает какая-то жаркая волна...

– Мам, ещё! – и она покупает мне второй стакан газировки. Уже легче.

Мне очень хочется спросить у мамы, почему у тёток, да и у неё самой, нет писек, но я жутко стесняюсь. Ладно. Нет и нет. Буду про это думать.

Яичницу мы быстро съели. Она была очень вкусная. И холодный катык с горячей лепёшкой – тоже хорошо!

– Собирайтесь, – командует мать. Папа идёт в комнату переодеваться, а мама прямо тут стягивает с меня длинные чёрные домашние трусы и напяливает другие – синие. Потом

рубашку с коротким рукавом и колючие штаны на ляпочках.

– Не вертись! – мама натягивает на меня белые длинные носки и закрепляет их наверху круглыми тугими резинками.

Папа выходит, одетый в рубашку и в полосатые брюки. На голову надевает мягкую серую шляпу. Берёт со стола пачку папирос и закуривает, пару раз чиркнув спичкой.

Я застегнул сандалии, мама вручает папе авоську. Там полотенца, мыло, мочалка...

Мы выходим во двор. Там ещё пусто, только на скамейке с газетой сидит дядя Толик, Вовкин папа.

– Доброе утро, Асаноц! – приветливо говорит он. – Жека!.. – это мне.

– Здравствуйте!.. – отвечает папа и вежливо приподнимает шляпу.

Асаноц – так зовут папу. Почему-то... Хотя на самом деле он – Александр, а дедушку, который давно умер, звали Иосиф. Или Осип. Почему-то... Значит, папу зовут Александр Осипович, а не Асаноц. Я зову его просто Сёпа. Мне так удобнее. Или Сёпик, когда подлизываюсь. Мама зовёт отца Шура или Шурик, а бабушка – Сашенька.

Отец, у которого так много имён, берёт меня за руку, и мы выходим со двора на тенистый бульвар.

У меня, кстати, тоже имён немало. Женя, Женик, Жека, Женька, Евгеша, Геша... А давно мама водила меня в парикмахерскую. Там работал седой, очень чистенький старик в белом халате и в белой шапочке. Мама называла его Абрам

Моисеич. У старика ещё жена – Сара Рувимовна. Он стри- жёт, а она подметает и считает деньги. Мама посадила ме- ня в огромное кресло. Абрам Моисеич стал нажимать на ка- кую-то педаль, и я поднялся высоко-высоко в этом кресле.

– Ну... – сказал старик. – По лица этот малчик я не могу понять его порода?

Мама звонко засмеялась. Так смеялась только она.

– Он француз!

– А! Тогда ми можем иметь с ним общего языка! Как зовут эта малчик?

– Женя.

– Нэт. Такая имья я нэ знаю!

Тут выступила молчавшая до сих пор в своём уголке Сара Рувимовна.

– Ай, Абрам! Можна подумать, он не знает! Нашего Шлёму зовут Сёма...

– О! – Старик победительно поднял вверх ножницы. – Те- пер я знаю имья на этот малчик! Женя – Сеня, Сеня – Сёма, Сёма – Шлёма!

Мамка задыхалась от смеха, и теперь, когда приходили го- сти, она весело рассказывала эту историю и очень похоже показывала стариков. Вот, я ещё и Шлёма!

– Все мы – Шлёмы... – однажды грустно сказал папа.

Да, мы все часто бываем Шлёмами. Бабушка иной раз на- зывала меня по-еврейски – шлемазл. И переводила – балбес. Я твёрдо решил, что имя Шлёма происходит от слова шле-

мазл. И представлял себе такого унылого носатого ребёнка в прыщах и соплях, у которого всё невпопад и всё грустно-тоскливо. Мне было обидно быть Шлёмой. Балбес балбесу – рознь! Вот Иван-дурак тоже балбес, но он весёлый и быть им приятно, и даже полезно!

Качества Ивана-дурака во мне иной раз возникали, и я ими гордился.

Бабушка, прекрасно знавшая несколько языков, порывалась с самого раннего моего возраста начать меня им обучать. Она пела мне песни и читала стихи по-французски и по-немецки. Она называла на языках все предметы и мои любимые действия. И уже дошло до того, что когда я заканчивал свои дела на горшке, к бабушкиной гордости, орал:

– Сету!

А иной раз и:

– Дежа!

Но какой уж тут Шлёма, настоящий Иван-дурак!

Когда бабушка стала наседать на меня, настаивая на изучении французского, я отреагировал сразу и жёстко. Она, наивная и легкомысленная барыня, рассказала мне про Пушкина, подло убитого французом Дантесом.

– Нет! – сказал я. – Француз Дантес убил нашего русского Пушкина! Я не хочу разговаривать на языке подлого убийцы!

Бабушка озадачилась.

Ну, понятно, с немецким языком я разобрался очень лег-

ко. Ведь всего пять лет прошло со дня победы!

Я надолго освободил себя от мучений, ведь спорить со мной при таких доводах было глубоко безнравственно.

Надо сказать честно, этой своей изворотливостью, как потом выяснилось – чисто еврейской, я пользовался неоднократно и с успехом. Особенно хорошо это помогало в общении с советской властью. Но не с женщинами! Тут Иван действительно оказывался дураком, а еврей – Шлёмой.

Мы с папой пересекаем огромный тенистый сквер с фонтаном и идём к трамваю. По дороге чего только не продавали! Всё, что продавалось вокруг, мама мне никогда не покупала, разве что надутый шарик, да и то в праздники. Всё остальное великолепие было под запретом. Продавали: вафельные треугольнички с повидлом под странным названием «Микадо»; вафельные же трубочки с белым тягучим кремом, с одной стороны кусаешь, с другой лезет крем, только успевай ловить; круглые мячики сладкой кукурузы; зелёный сыр в шариках – он назывался «курт»; семечки; солёный миндаль; беляши, шипящие на огромных чёрных сковородах; узбекский шашлык из баранины, маленькими кусочками в горячей лепёшке с луком и уксусом... Боже мой! Какое счастье, что я с папой! Уже облизываю я сладкого прозрачного петуха на палочке, а в другой руке – здоровенный кукурузный мяч. Я знаю – это не всё! После бани... Ох, и не знаю, чего просить!

Баня. Вход с мужской стороны. Теперь мне спокойно.

Письки на месте, разных калибров, не шумно и не суетливо. Никто не визжит, все заняты делом – моются. Мне нравится отец, он мускулистый и в меру волосатый, не то что вон маленький толстый армянин – весь покрыт густой курчавой шерстью. Папа всем хорош, только очень белый. Вокруг народ всё смуглый. И ещё папа не может снять очки, без них он ничего не видит. Когда моет голову, отдаёт очки мне, поддержать. Я их напяливаю и ничего не вижу. Только тени какие-то...

Вот мы, мытые и голые, заворачиваемся в полотенца из авоськи и идем в предбанник. Папа в буфете берёт мне стакан сидро, а себе кружку пива. Мы садимся на лавочку и медленно пьём. Папа сдувает с кружки густую пену.

Однажды вечером, совсем поздно, у нас собрались гости. Это произошло, как объясняла мама бабушке – внезапно.

Так бывало часто. Люди пришли шумные, весёлые, и принесли с собой много водки, лимонада, колбасы и горячего хлеба, мама тоже чего-то тащила на стол – помидоры, зелень, крупную хрусткую редиску, жёлтый сыр с дырками...

Все суетились, хохотали и курили, мужчины и женщины.

Этих женщин я любил, они были ласковые и очень приятно пахли. Ногтики у них у всех были покрашены, и губы тоже. Они все меня очень нежно целовали, а я бегал в «папинмамину» комнату и смотрелся в зеркало на шкафу. Мне очень нравилось, что на мне было много красных и розовых следов от поцелуев.

Потом все уселись за стол и меня посадили. Сразу все стали шумно чокаяться и говорить папе хорошие слова про какую-то репетицию. И пили они все водку, а мне налили стакан сладкого тёплого лимонада. Бабушка сидела рядом со мной и тоже пила лимонад. Рассказывали какие-то истории про евреев и очень смеялись. И снова пили, и выпили за меня и за бабушку, ей налили, она сопротивлялась, но всё-таки выпила рюмку и заела конфетой. А я грыз редиску и пил уже просто горячий лимонад, мне стало скучно и захотелось спать.

– Женик, пойдём, маленький, на лавочку посидим, а то черти шумят, накурили. Одно слово – артисты! А ты маленький... – так сказала бабушка и вывела меня во двор.

Там было темно, только огромная жёлто-красная луна поблёскивала через густую листву чинар и тутовника. Мы сели на скамеечку, и я ткнулся головой в мягкий бабушкин живот. Мы сидели молча и дышали...

Чому я нэ сокил, чому нэ летаю...

Чому мэни, Боже, ти крылець не дав?

Я б зэмлию покинув, та й в небо злилав...

Это бабушка запела свою любимую украинскую песню. Она очень чистенько пела жалобным тоненьким голоском. И мне так стало жалко того, кому боже не дал крыльев!

Я посмотрел в небо – оно было по-южному чёрным и очень-очень звёздным! И эти звёзды были такими яркими,

что даже глаза кололи... И никаких никому не надо «крылець», потому что никто и никогда не долетит до этих далеких звёзд, никто и никогда, никакой «сокил» не решится лететь по этому чёрному бесконечному небу... И мне стало так одиноко и страшно под этими звёздами, что я заплакал и даже затрясся на бабушкином животе.

– Что ты, Женичка, болит чего-нибудь, малыш?

– Бабушка! – захлюпал я. – Я знаю, что ты умрёшь, и мама, и папа, и все эти артисты! И никого не будет... Только небо это страшное и злые звёзды... И я тоже умру! Бабушка, Любочка! Не надо, не умирай!

И все умерли. Только я ещё живу.

А был у папы друг. Его звали Вэл Родд. Он был знаменитым артистом и играл в кино негра. Фильм назывался «Пятнадцатилетний капитан». А негр он был настоящий. Очень чёрный и очень большой. Голова была курчавая, а зубы белые. Он у нас какое-то время жил. Спал с нами, со мной и бабушкой, на кухне. Папа принес из театра старинную большую ширму и отгородил нас с бабушкой от дяди Вэла. Ему стелили матрас на полу. А утром он его сворачивал аккуратно и убирал под нашу кровать. Дядя Вэл очень рано утром ходил умываться к колонке. Перед этим он прыгал очень быстро через резиновую прыгалку, так быстро, что она свистела, рассекая воздух. Потом он поднимал очень большой булыжник, тоже быстро и часто.

И отжимался от земли так много раз, что мне не хватало счёта, я ещё не все цифры знал. На дядю Вэла ходили смотреть. Конечно, дети, но и многие женщины, которые по утрам ходили к колонке. Некоторые даже иной раз забывали, зачем пришли. Потом дядя Вэл долго-долго чистил зубы, так долго, что становилось скучно.

Потом он дожидался, когда колонка освободится, и поливал себя из ведра холодной водой. И фыркал. Если совпадало с присутствием во дворе дворника Ильдара, то он просил его плескаться из ведра и злобный Ильдар ему не отказывал. Он поливал его водой ожесточённо, будто отмыть хотел, и тихо ворчал:

– Здоровый, биять! Чёрный, биять...

Потом мы с ним завтракали. Бабушка варила нам яйца, и дядя Вэл просил её сказать, когда вода закипит.

Она сообщала, и он смотрел на свои огромные серебряные часы, потом говорил:

– О'кей! Давай, Любочка!.. Тепер ест мьешьёчек.

Он не разрешал яйца солить, и мне было невкусно, потому что баба Люба варила мне яйца вкрутую и щедро их солила. А в мешочек я не люблю. До сих пор.

Ещё он сам ел творог и меня заставлял. Я не любил творог, но я любил дядю Вэла. Ну хотя бы за то, что он такой чёрный! Весёлый. Мальчик Вова утром во дворе его спросил:

– Дядя! А у тебя под трусами тоже чёрное?

Дядя Вэл расхохотался и, повернувшись к нам задом, снял

трусы и показал красивую чёрную, как уголь, попу.

Потом, через много-много лет... Я полюблю надолго хрупкую девушку Тамару, которая была женой Вейланда Родда-младшего, который был сыном дяди Вала, и был совсем ненамного младше меня.

Но это другая история... Потом.

А сейчас мы сидим за столом, и дядя Вэл, как всегда, показывает мне, как надо жевать.

– Ты, Юджин, – (ещё одно имя), – должен долго жевать пища! Смотри!..

И он показывал – брал кусок лепёшки и долго жевал.

– Когда так, Юджин, будешь харашо какат и зуб будет красиви, как у дядья Вэл! Лук!

И он распахивал толстые губищи и демонстрировал крупные, сверкающие удивительной белизной зубы.

– О'кей?

А в конце февраля, когда был мой день рождения, дядя Вэл посадил меня на шею и мы пошли в большой магазин. Я очень любил сидеть на этой крепкой шее. Дядя Вэл не носил шапок даже зимой, и я держался руками за его жёсткие чёрные кудри.

Я смотрел на всё сверху, с его гигантского роста, и все вокруг казались мне жалкими букашками, особенно пацаны,

которые увязались с нами. Абсолютно все смотрели на нас – мужчины, милиционеры, дети, узбеки и, конечно, женщины. Те просто застывали на ходу, увидев нас. Люди шушукались, с другой стороны улицы показывали на нас пальцами. Так мы и шли через сквер к улице Карла Маркса, где и был тот самый ташкентский универмаг, где и должен был свершиться акт покупки подарка. Меня покачивало плавно, в такт широким шагам дяди Вэла. Мир плыл и, несмотря на февральскую слякоть, холодный ветер и серое небо, мир был великолепен!

Мы пришли, но Вэл не спускал меня с плеч до самого игрушечного отдела, где и открылась роскошная панорама полок с игрушками.

Все на нас пялились, и в наступившей тишине прогремел густой голос дяди Вала:

– Что малчик хочет в подарок от дяди Вала?

Я знал, чего хочет сердце, чего просит душа...

Я весь хотел **КРАСНУЮ ПОЖАРНУЮ МАШИНУ!**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.